

ББК 63.3(257-8)

А.С. Дружинец

Внешнеполитические аспекты присоединения к России территории Семиречья (20–60-е гг. XIX в.): отечественная историография проблемы

Ключевые слова: присоединение, политика России, Семиречье, Заилийский край, Кокандское ханство, цинский Китай, Прииссыккулье, казахи, киргизы, отечественное востоковедение, русско-китайское разграничение.

Keywords: foreign policy, annexing, Semirechie, Central Asia.

В условиях изменившейся в конце XX в. геополитической ситуации, связанной с распадом Советского Союза и возникновением ряда новых независимых государств на постсоветском пространстве, международная расстановка сил в Центральной Азии также претерпела заметные изменения. На сегодняшний день данный регион продолжает представлять для России огромную торгово-экономическую, политическую и стратегическую важность. Возрастает интерес к прошлому опыту взаимоотношений России и центральноазиатских государств.

Процесс присоединения к России Семиречья и Заилийского края¹ начался еще в 30-е гг. XVIII в. [1, с. 296]. Однако подданство значительной части казахов Старшего жуза вплоть до середины XIX в. носило номинальный характер и не имело под собой реального содержания². В период 1824–1839 гг. сибирской администрацией были открыты округа в Кокчетаве, Каркаралинске, Баян-Ауле, а также Аягузе и Кокпекты [2, л. 2–6; 3, с. 56–66]. С открытием этих округов условная граница с рекой Иртыш сразу продвинулась по направлению на юг – до реки Чу, с одной стороны, и к верховьям рек Лепсы и Каратал, с другой.

В течение 40–50-х гг. XIX в. ряд казахских родов Старшего жуза и киргизы племени бугу в результате их неоднократных прошений в адрес российского правительства поступили в подданство России [4, с. 305–306, 319; 5, с. 124, 130–133, 156–158]. В 1848 г. был образован Алатавский (Алатауский)

¹ Слово «Семиречье» (Жетысу) происходит от казахского словосочетания «жеты» – семь и «су» – вода. Так называлась территория к юго-востоку от оз. Балхаш, в которое впадают реки Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепсы, Баскан, Сарканд. Под Заилийским краем понимается территория, лежащая за р. Или и включающая в себя также земли северной части оз. Иссык-Куль.

² Подобная ситуация объяснялась тем, что после разгрома Джунгарского ханства цинским Китаем часть казахов Старшего жуза признала себя номинальными подданными династии Цин, другие подчинились усилившемуся Кокандскому ханству.

округ с административным центром в Копале для управления казахами и киргизами, признавшими подданство России. Таким образом, к середине XIX в. Россия распространила свое влияние на южные казахские земли (территория Семиречья) и северную часть земель, занимаемых киргизами (Прииссыккулье).

Другой субъект международных отношений в данном регионе – цинский Китай – явно занимал более слабые позиции. Цинская империя к тому времени не обладала реальной властью над кочевниками Семиречья, а опиумные войны с западными странами продемонстрировали ее слабость и в военном отношении. Ситуацию усугубляли непрекращавшиеся волнения в этнически пестром Синьцзяне [6, л. 11об.].

В середине XIX в. сформировавшийся с ослаблением позиций Цинской империи в Семиречье «вакуум силы» был тут же заполнен усилившимся влиянием Кокандского ханства. Обострение соперничества между Россией и Кокандским ханством в борьбе за господство в Южном Казахстане и Северной Киргизии, назревшая необходимость территориального разграничения между Российской и Цинской империями в Центральной Азии в начале 60-х гг. XIX в. потребовали со стороны России решительных и глубоко продуманных действий.

Проблема присоединения к России территорий Юго-Восточного Казахстана и Северной Киргизии в отечественной историографии недостаточно изучена. Выделить особенности освещения отдельных аспектов российской политики в Центральной Азии на каждом из этапов развития отечественной исторической науки – задача данного исследования.

Отдельные аспекты международных отношений и политики России в Центральной Азии в рассматриваемый период нашли отражение в трудах многих дореволюционных ученых, военных, чиновников, путешественников.

Одним из первых исследователей, который попытался аккумулировать и систематизировать все известные на тот момент данные по истории, географии и этнографии казахских жузов и их взаимоотношений с Россией, был А.И. Левшин [7]. Четвертая глава исторического тома его работы посвящена истории Большой Орды и описывает события с 1730 по 1819 г., начиная с первых контактов казахов Старшего жуза с Россией, их взаимоотношений с Ташкентским правителем и заканчивая присягой на подданство в 1819 г. султана Старшего жуза Сюка Аблайханова.

Резюмируя имевшиеся в его распоряжении сведения, А.И. Левшин делал следующий вывод: «Большая орда Казачья не составляет ныне (1832 г. – *А.Д.*) ничего целого: одна ее часть повинуется Китаю, другая Кокандскому владельцу, третья, наконец, почитается независимою» [7, с. 91].

Вследствие активизации политики России в Центральной Азии в 50–60-х гг. XIX в. интерес к исследованию международной ситуации в этом регионе существенно возрос. Значительный вклад в разработку исследуемой темы внесло военное востоковедение, разрабатываемое офицерами Генерального штаба и членами Императорского Русского географического общества, которые наряду с решением профессиональных военных задач занимались научными изысканиями. Работы, опубликованные по результатам их деятельности, содержали большое количество эмпирического материала.

Совершивший в 1855–1857 гг. с риском для жизни путешествие в глубь Центральной Азии Ч. Валиханов собрал уникальный материал по истории, этнографии, литературе, политическому положению Семиречья, Киргизии, Восточного Туркестана, ввел в научный оборот самые различные источники – рукописи восточных авторов, вывезенные им из Кашгара и приобретенные в казахских степях, предания и легенды казахов и киргизов, а также архивные документы, собранные в Омском областном архиве. Отмечая в своих работах стратегическую важность Заилийского края, Ч. Валиханов указывал на различную степень влияния основных факторов международных отношений в Центральной Азии на народы, населявшие этот регион: влияние Китая в казахских и киргизских кочевьях он оценивал как незначительное, в то время как более опасным и сильным соперником России в регионе оставался Коканд, умело использовавший религиозную общность с казахами и киргизами и особенно их враждебные отношения между собой [8, с. 79].

Известным исследователем Центральной Азии стал офицер Генерального штаба М.И. Венюков, принимавший участие в экспедициях 1859–1861 гг. в Заилийский край и Прииссыккулье и, следовательно, хорошо осведомленный о ситуации в этом регионе. В его работах содержится не только множество ценных сведений для изучения современной ему обстановки в Центральной Азии (особенно сведения об отношениях внутри треугольника казахи–киргизы–Коканд), но и не менее важные оценочные суждения, характеризующие международную расстановку сил в регионе и особенности поведения всех ее участников [9]. Расширение пределов Российской империи представлялось Венюкову предопределенным стремлением России достичь своих «естественных границ». К работам, написанным участниками происходивших событий, также следует отнести труды Л.Ф. Костенко

и А.И. Макшеева [10; 11]. Определенные сведения по истории взаимоотношений центральноазиатских народов с Россией содержатся в географических работах П.П. Семенова [12].

Фундаментальный труд крупного тюрколога XIX в. Н.А. Аристова «Усуни и киргизы или кара-киргизы» по истории и этнографии населения Западного Тянь-Шаня содержит большой объем информации на тему китайского и кокандского господства в Заилийском крае, а также сведения о политике сибирской администрации в этом регионе в XVIII–XIX вв. [13, с. 433–534]. Особенно ценными являются приводимые Н.А. Аристовым сведения статистического характера (переписи населения, списки податных волостей и др.) и географического (описание маршрутов движения войск, территории расселения кочевых племен) характера, полученные как из русских, так и из китайских источников, и наглядно иллюстрирующие выводы автора по проблеме.

К одной из наиболее значимых работ, на наш взгляд, следует отнести мемуары И.Ф. Бабкова [14]. Возглавлявший русскую делегацию по разграничению с Западным Китаем в 1861–1864 гг., а также откомандированный в 1869 г. на западную китайскую границу для постановки пограничных знаков И.Ф. Бабков собрал ценные сведения по истории русско-китайского разграничения и международных отношений в Центральной Азии в целом. В его работе содержится фактический материал, важный для характеристики событий, предшествовавших разграничению России и цинского Китая в этом регионе. В качестве одних из наиболее важных факторов, послуживших причиной продвижения России в Центральной Азии и включения в ее состав территорий Юго-Восточного Казахстана и Северной Киргизии в середине XIX в., И.Ф. Бабков выделяет активизацию политики Кокандского ханства в отношении казахского и киргизского населения Заилийского края.

Значительный вклад в изучение проблемы взаимоотношений России с народами Центральной Азии внес Н.Н. Балкашин, служивший в 1880-е гг. российским консулом в Чугучаке (Западный Китай). В своей работе «Трактаты России с Китаем» основным движущим фактором российской политики в Центральноазиатском регионе он называет торговые интересы России, которые должны были быть обеспечены спокойным положением Степи [15, с. 71].

Истории Кокандского ханства посвящены работы В.В. Вельяминова-Зернова, Н.И. Веселовского, В.П. Наливкина, Н.Ф. Петровского, Я.В. Ханькова [16–20]. Исследователи, являясь современниками активного продвижения Российской империи на Востоке, обратились к проблемам изучения социально-экономического развития Кокандского государства и его взаимоотношений с соседями: казахами, киргизами, а также могущественным северным соседом – Россией.

Подводя итог отечественной историографии дореволюционного периода, в качестве основной ее отличительной черты следует отметить то, что работы названных и других исследователей того времени были написаны с государственных позиций, в большинстве случаев оправдывающих цели и методы внешней политики России по отношению к народам, населявшим Центральную Азию. Авторы работ были, как правило, участниками либо свидетелями исследуемых ими событий и аккумулировали огромный эмпирический материал. Именно поэтому их труды в качестве исторических источников и в настоящее время имеют огромную научную ценность.

В 20–30-е гг. XX в. – в период становления и развития в стране марксистской историографии – оценки политики России в Центральной Азии диаметрально изменились. Классовый подход исследователей выразился в исключительно негативной характеристике российской внешней политики на Востоке вообще и в данном регионе в частности. В 1939 г. была опубликована статья П.П. Иванова «Казахи и Кокандское ханство», которая в определенной степени отражает интересующую нас проблематику [21].

Собранный автором материал, в том числе рукописные сочинения ферганских историков XIX в., позволил частично восполнить пробел в изучении ранней истории казахско-кокандских отношений. Автор справедливо указывал на спланированность военно-хозяйственной колонизации Коканда в глубь казахских кочевий, а также на широкое и умелое использование кокандскими властями идеологического влияния мусульманского духовного аппарата. Вместе с тем политику России в регионе П.П. Иванов характеризует как «продвижение российских завоевателей», а защиту русскими войсками казахов-подданных России – как стремление царского командования «оправдать свои захваты казахской территории» [21, с. 128]. В 1936 г. в соответствии с утвердившейся в то время в отечественной исторической науке концепцией «абсолютного зла», применяемой при изучении взаимоотношений России с казахскими жузами, был опубликован сборник «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» с тенденциозной подборкой источниковой базы, призванной проиллюстрировать «грабеж» и «разбой» царской колониальной политики [22].

В 1950-е гг. по мере развития советской исторической науки в изучении темы присоединения Казахстана и других центральноазиатских территорий к России начинается пересмотр устаревших подходов, и на смену концепции «абсолютного зла» постепенно приходит концепция «наименьшего зла». Исследователи этого периода считали, что несмотря на классовый характер и цели, которые преследовала царская Россия в проведении своей центральноазиатской политики, предпринятые в отношении казахского

и киргизского населения мероприятия по прекращению внутренней междоусобицы объективно сыграли положительную роль в истории этих народов. С таких позиций была написана работа Е.Б. Бекмаханова «Присоединение Казахстана к России», содержащая отдельную главу о включении в состав России Старшего жуза, с учетом влияния кокандского и, частично, китайского факторов [23].

На новый, более высокий уровень изучения взаимоотношений России и народов Центральной Азии советская историография выходит в 1960–1980-е гг. Успехи в развитии востоковедения в Москве, Ленинграде, союзных республиках позволили ввести в научный оборот широкий круг разноязычных документальных и нарративных источников, опираясь на которые отечественными учеными были реконструированы и пересмотрены многие узловые проблемы истории международных отношений в Центральной Азии. В качестве одного из определяющих факторов повышения интереса к данной теме и в особенности к вопросам формирования русско-китайской границы также следует выделить обострение советско-китайских отношений в 1960–1970-е гг., возникшее вследствие территориальных претензий КНР к Советскому Союзу. В связи с этим в данный период наблюдалось определенное противостояние между советскими и китайскими исследователями, пытавшимися обосновать «абсолютную истинность» своей интерпретации исторических событий.

Наиболее весомый вклад в исследование истории международных отношений в Центральной Азии в целом и присоединения к России казахских и киргизских кочевий в частности внес Б.П. Гуревич. Его работа «Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв.», опубликованная в 1979 г. и переизданная с дополнениями в 1983 г., явилась первым системным и наиболее полным исследованием по истории международных отношений в Центральноазиатском регионе [24]. Б.П. Гуревич ввел в оборот и критически переосмыслил огромное количество архивных материалов и документов, работ мемуарного характера на русском, китайском и ряде других языков. Рассматривая в многоплановом разрезе взаимоотношения народов Центральной Азии с двумя крупными империями в регионе – Российской и Цинской, – автор доводит историю событий до Кульджинского трактата 1851 г. и характеризует вхождение Старшего жуза и Северной Киргизии в состав России как добровольный процесс, обусловленный рядом внешнеполитических обстоятельств и приведший в итоге к необходимости русско-китайского разграничения в регионе.

Проблемы взаимоотношений Цинской империи с казахами, Кокандским ханством и Россией получили широкое освещение в работах В.С. Кузнецова [25], который ввел в научный оборот значительное количество

китайских источников, относящихся к XVIII – первой половине XIX в., и на основе материалов государственного описания цинского Китая показал мнимость власти Цинской империи на территории Семиречья, неосведомленность администрации Синьцзяна о событиях, происходивших в кочевьях Старшего жуза и о реальном положении дел в приграничной к Китаю полосе в целом.

История отношений между киргизами и Кокандским ханством анализируется в работе В.М. Плоских [26]. Автор рассматривает контакты киргизских племен с Ферганой, начиная с первой половины XVIII столетия вплоть до 70-х гг. XIX в., когда Кокандское ханство было ликвидировано как самостоятельный субъект международных отношений. Определенную роль в падении Коканда наряду с нарастающим возмущением подвластных ему народов, как указывает В.М. Плоских, сыграл и внешнеполитический фактор – ориентация киргизов на принятие российского подданства и продвижение России в глубь Центральной Азии. Фактор повстанческого движения киргизского населения в период Кокандского управления как отдельная проблема был изучен в работе А.Х. Хасанова [27].

Подробный анализ политики России в Средней Азии сделан в трудах Н.А. Халфина [28]. В качестве одного из основных факторов продвижения России в данном регионе наряду с экономическими причинами исследователем выделяется проблема англо-русского соперничества. В работах К.Ш. Хафизовой подробно исследуются вопросы китайской дипломатии, ее применения в отношении казахов, истории казахско-китайских отношений [29].

В период 60–80-х гг. XX в. был опубликован ряд работ исследователей Казахстана и республик Средней Азии, акцентирующих внимание на прогрессивном и добровольном характере вхождения казахского и киргизского населения в состав России. К такого рода работам относятся труды Б.Д. Джамгерчинова, Б.С. Сулейменова, В.Я. Басина, Т.Ж. Шоинбаева [30–32].

Распад СССР послужил причиной отказа многих ученых от марксистско-ленинской методологии и перехода к плюрализму в освещении исторических событий. Образование новых независимых государств, обострившее погранично-территориальные проблемы на пространстве бывшего Советского

Союза, привлекли к ним внимание ученых, политиков и государственных деятелей. История взаимоотношений России и Китая с народами Центральной Азии в рамках изучения русско-китайского разграничения в этом регионе рассматривается в коллективной работе российских ученых «Границы Китая: история формирования» [33].

Особую важность для изучения интересующей нас проблематики представляет монография крупного отечественного востоковеда, одного из ведущих в России специалистов по истории международных отношений в Центральной Азии XVII–XIX вв. В.А. Моисеева – «Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.)» [34]. Основу данной работы составил широкий круг архивных источников, в том числе на китайском языке, а также опубликованные документы, мемуары и материалы путешественников. Характеризуя своеобразие российско-китайских отношений в этом регионе, автор разделяет его на определенные этапы. Первый, интересующий нас, период исследования (1851–1864 гг.) отмечен заключением Кульджинского трактата, закрепившим право русских купцов торговать в Кульдже и Чугучаке, укреплением позиций России в Юго-Восточном Казахстане и Северной Киргизии и успехами русского оружия в борьбе с Кокандом. На фоне этих событий, как убедительно показывает автор в своей работе, стремительно падает престиж и влияние цинского Китая, ослабленного социально-экономическими и политическими проблемами и вынужденного вести неравный бой с Западом в ходе опиумных войн. Чугучакский протокол 1864 г., как указывал В.А. Моисеев, отражал сложившееся к тому времени соотношение сил и укрепил фактически сформировавшуюся к тому времени границу.

Краткий анализ отечественной историографии присоединения к России территорий юго-восточного Казахстана и Северной Киргизии позволяет сделать вывод о том, что несмотря на изученность отдельных аспектов проблемы существует необходимость в ее специальном комплексном исследовании, хронологически очерченным временем учреждения в степи окружных приказов в 1820-х гг. и периодом окончательного разграничения сфер влияния между Российской и Цинской империями в 1860-е гг. после подписания Чугучакского протокола.

Библиографический список

1. Международные отношения в Центральной Азии. XVIII–XIX вв. : документы и материалы. – М., 1989. – Кн. 1.
2. Государственный архив Омской области. – Ф. 366. – Оп. 1. – Д. 102а.
3. Абдрахманова, Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке / Б.М. Абдрахманова. – Астана, 1998.
4. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867) : сб. документов и материалов. – Алма-Ата, 1964.
5. Кыргызстан–Россия. История взаимоотношений (XVIII–XIX вв.) : сб. документов и материалов. – Бишкек, 1998.
6. Венюков, М.И. Военно-статистические очерки земель соседних России в Азии / М.И. Венюков // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 363. – К. №3. – Д. 14.
7. Левшин, А.И. Описание Киргис-Кайсацких орд и степей : в 3 т. / А.И. Левшин // Исторические известия. – СПб., 1832. – Т. 2.

8. Валиханов, Ч.Ч. Записки о киргизах // Собрание сочинений : в 5 т. – Алма-Ата, 1985. – Т. 2.
9. Венюков, М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии / М.И. Венюков. – СПб., 1873.
10. Костенко, Л.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности / Л.Ф. Костенко. – СПб., 1871.
11. Макшеев, А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских / А.И. Макшеев. – СПб., 1890.
12. Семенов-Тянь-Шанский, П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. / П.П. Семенов-Тянь-Шанский. – М., 1948.
13. Аристов, Н.А. Усуни и киргизы или кара-киргизы : очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии / Н.А. Аристов. – Бишкек, 2001.
14. Бабков, И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири (1859–1875) / И.Ф. Бабков. – СПб., 1912.
15. Балкашин, Н.Н. Трактаты России с Китаем / Н.Н. Балкашин // Памятная книжка Западной Сибири. – Омск, 1882.
16. Вельяминов-Зернов, В.В. Исторические известия о Кокандском ханстве, от Мухаммеда-Али до Худояр-хана / В.В. Вельяминов-Зернов. – СПб., 1856.
17. Веселовский, Н.И. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. Текст, перевод и приложения / Н.И. Веселовский. – СПб., 1894.
18. Наливкин, В.П. Краткая история Кокандского ханства / В.П. Наливкин. – Казань, 1886.
19. Петровский, Н.Ф. Очерки Коканского ханства / Н.Ф. Петровский // Вестник Европы. – 1875. – Кн. 10.
20. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. С примечаниями Я.В. Ханькова // Вестник Императорского Русского географического общества. – 1851. – Кн. 1. – Ч. 1.
21. Иванов, П.П. Казахи и Кокандское ханство / П.П. Иванов // Записки Института Востоковедения АН СССР. – М. ; Л., 1939. – Т. VII.
22. Прошлое Казахстана в источниках и материалах : сб. 2 / под ред. С.Д. Асфендиярова. – Алма-Ата ; Москва, 1936.
23. Бекмаханов, Е.Б. Присоединение Казахстана к России / Е.Б. Бекмаханов. – М., 1957.
24. Гуревич, Б.П. Международные отношения в Центральной Азии (XVII – первой половине XIX вв.) / Б.П. Гуревич. – М., 1983.
25. Кузнецов, В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) / В.С. Кузнецов. – Новосибирск, 1983.
26. Плоских, В.М. Киргизы и Кокандское ханство / В.М. Плоских. – Фрунзе, 1977.
27. Хасанов, А.Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства / А.Х. Хасанов. – М., 1977.
28. Халфин, Н.А. Политика России в Средней Азии / Н.А. Халфин. – М., 1960.
29. Хафизова, К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии в XIV–XIX вв. / К.Ш. Хафизова. – Алматы, 1995.
30. Джамгерчинов, Б.Д. Прогрессивное значение присоединения Киргизии к России / Б.Д. Джамгерчинов. – Фрунзе, 1963.
31. Сулейменов, Б.С. Казахстан в составе России XVIII – начале XIX века / Б.С. Сулейменов, в.Я. Басин. – Алма-Ата, 1981.
32. Шоинбаев, Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России / Т.Ж. Шоинбаев. – Алма-Ата, 1982.
33. Границы Китая: история формирования / под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. – М., 2001.
34. Моисеев, В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В.А. Моисеев. – Барнаул, 2003.